

**PARTING WAYS OF MODERNITY:
LIFE-WORLDS, MODERNIZATION, AND DEMODERNIZATION.
BOOK REVIEW: Mikhail Minakov. (2020). Dialektika sovremennosti v Vostochnoi Evrope.
Opyt sotsialno-filosofskogo osmysleniia [from Rus.: Dialectics of the Eastern European
modernity. A social-philosophical reflection]. Kiev: Laurus.**

Dmitry Gorin

Plekhanov Russian University of Economics
ORCID: [0000-0003-4235-7254](https://orcid.org/0000-0003-4235-7254)

**РАСХОДЯЩИЕСЯ ПУТИ МОДЕРНОСТИ:
ЖИЗНЕННЫЕ МИРЫ, МОДЕРНИЗАЦИЯ И ДЕМОДЕРНИЗАЦИЯ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Михаил Минаков. (2020). Диалектика современности в
Восточной Европе. Опыт социально-философского осмысления. Киев: Лаурус.**

Дмитрий Горин

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
ORCID: [0000-0003-4235-7254](https://orcid.org/0000-0003-4235-7254)

Идея о множественных модерностях завоевывает в последние годы умы исследователей процессов, происходящих в постсоветских и восточноевропейских странах, траектория которых требует специальной настройки исследовательской оптики. Новая книга Михаила Минакова позволяет существенно продвинуться к пониманию того, как такая оптика может быть устроена. Автору удается избежать двух крайностей, характерных для обширной литературы, написанной по этой проблематике. С одной стороны, если основываться на «больших теориях» модернизации, описывающих вхождение человечества в различные состояния модерности, то сложно фокусироваться на весьма специфическом чередовании модернизации и демодернизации тех стран, которые оказываются в поле внимания автора. С другой стороны, увлеченность национальными кейсами и даже их компаративистским описанием не всегда позволяет увидеть широкие контексты диалектики модерности в этих странах, которая, безусловно, отражает и особым образом преломляет глобальные тенденции. Рецензируемая книга в этом смысле представляет собой довольно редкое исключение. Диалектику постсоветской и восточноевропейской модерности автору удается представить в пространственном и временном измерениях. Первое связано с географической неоднородностью, второе – с тем, что различные локальные культуры запускают свои проекты модерности в разное время, имея при этом разные стартовые позиции.

Избранная автором исследовательская оптика удачно проясняет механизмы, которые приводят к тому, что в развитии некоторых модернизированных обществ возникает обратное движение, ведущее к утрате достигнутого ранее уровня и попыткам кристаллизации новых культурных тенденций, воспринимающихся как «возвращение к традиционным ценностям». Именно этот процесс обратного движения создает противоречивость траекторий общественного развития

постсоветских обществ, в том числе белорусского, российского и украинского. Оказавшись перед лицом тех возможностей и рисков, которые связаны с социальной, экономической и политической модернизацией, эти общества демонстрирует возрастающую тенденцию демодернизации, которая приводит к ситуации, когда ни характерная для модерности рациональность, ни традиция, к которой якобы возможно возвращение, не могут обеспечить морально-нравственные ориентиры, политическую свободу и высшие смыслы.

В качестве основных типов демодернизации автор выделяет, во-первых, восстановление вертикалей власти в Беларуси, Азербайджане и России; во-вторых, использование методов квазифеодального и неоплеменного управления в республиках Центральной Азии и на части территорий России; в-третьих, возникновение гибридных режимов в Грузии, Украине и странах Балтии, в которых институты западного типа смешиваются с постсоветскими формальными и неформальными институциями; в-четвертых, трансформации сообществ, проживающих в постсоветских непризнанных «государствах».

Для обоснования своих тезисов о многообразии состояний модерности автор обращается к описанным Дугласом Нортон различиям между обществами закрытого доступа и обществами открытого доступа. Это позволяет автору артикулировать соотношение свободы и насилия в описании постсоветских трансформаций. Однако, как он справедливо замечает, вопрос о том, почему происходит резкое изменение в убеждениях и поведении элит, остается без ответа. Поэтому авторский интерес привлекает другая известная теория описания различий в современных обществах, представленная моделью Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля, которые исследуют вариативность ценностей и убеждений в успешных странах и странах, менее развитых. Еще одним источником, позволяющим настроить авторскую оптику анализа, является описание Шмуэлем Эйзенштадтом механизма сохранения многообразия культур и традиций в условиях универсализма, характерного для модерности. В контексте идей Эйзенштадта, каждая модернизирующаяся культура представляет собой продуктивный конфликт между свободой и контролем, который развивается под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. Какие-то из них могут привести к срыву модернизации, а другие — к последующему ее возобновлению. Деструктивные силы, раскрепощающиеся модернизацией, в этом смысле предстают как продукты модерности.

Уже на первых страницах книги содержится весьма любопытное утверждение, проясняющее во многом авторский подход к описанию специфики модерности в постсоветских и восточноевропейских обществах. В анализе становления модерности автор опирается на известный тезис Юргена Хабермаса о колонизации жизненного мира обычных людей — мира, охватывающего горизонты их опыта, системным миром или Системой — институционализированной социальностью, основанной на глубокой эрозии человеческой свободы, под воздействием монетарных и бюрократических инструментов. Михаил Минаков замечает, что пессимистическая оценка модерности, начатая Максом Вебером, Максом Хоркхаймером, Теодором Адорно и продолженная Юргеном Хабермасом привела к концентрации исследовательского внимания на

негативном влиянии рациональных институтов на жизненный мир, что «не позволило увидеть обратный процесс – колонизацию Системы жизненным миром» (11).

В условиях, когда колонизация Системой жизненного мира ведет к истощению смыслообразующих ценностей и ресурсов общества, автор видит признаки «обратной колонизации»: опыт восточноевропейских обществ говорит и о том, что «в кризисные моменты Система начинает употреблять ресурсы таких институтов, как церковь, родственные связи или местные общины, которые подрывают строй инструментальной рациональности, изобретают некие извращенные формы архаичного в современном, используют традиционные наименования для гибридов Системы и жизненного мира» (21). Проявление таких «гибридов» в жизненных мирах Украины описываются в книге на основании качественных интервью, которые автор проводил с декабря 2013-го по январь 2017 года.

Именно в «обратной колонизации» жизненным миром системного мира он видит ключ к описанию парадоксального движения к демодернизации. Рассмотрение демодернизации как «обратной колонизации» представляется весьма эвристичным, хотя и вызывает некоторые сомнения. Сомнения эти связаны с тем, что «гибридизация» Системы, которая становится результатом обратного воздействия на нее жизненного мира, в процессах демодернизации вызвана именно тем, что Система, переживающая кризис собственной легитимации в жизненном мире, вторгается в него еще глубже, используя его смыслы и ресурсы для осуществления собственного инструментального действия, направленного на еще более агрессивную перестройку структур жизненного мира в логике характерного для системного мира бюрократического и монетарного насилия. Иными словами, тот процесс, который автор описывает как «обратную колонизацию» Системы жизненным миром, не ведет к расширению пространства коммуникативного действия и укреплению возможностей жизненного мира сопротивляться насилию со стороны Системы. Поэтому скорее всего речь должна идти о весьма специфической для демодернизации стадии продолжающейся колонизации Системой жизненного мира, а не наоборот. Тем более, сам автор отмечает, что демодернизация основывается на еще большей эксплуатации жизненного мира, которая, разумеется, на этом этапе становится иной по своим формам и последствиям.

Нарастающая эксплуатация жизненного мира хорошо демонстрируется на примере весьма точного описания трансформации советского двоемыслия в постсоветскую эпоху. Двоемыслие как феномен советской культуры обеспечивали неколонизированные остатки жизненного мира, которые, как пишет автор, позволяли существовать моральной позиции, противоположной «идеологической истине». Хотя жизнь в условиях двоемыслия была травматичной, оно обеспечивало сохранение важных моральных ориентиров. Сегодня, в условиях постсоветской демодернизации, когда такие элементы жизненного мира, как религиозные чувства, этническая и культурная идентичность, семейная история стали использоваться для подчинения властям, возник огромный риск того, что они станут такими же манипулятивными, как и идеологии Системы. По мнению автора, с которым в этом вопросе сложно спорить, двоемыслие сохраняется, но оно вводит человека в непонимание себя и

самоотчуждение, поскольку в этой новой двойственности размываются критерии подлинности. Но это как раз и является свидетельством не «обратной колонизации», а наоборот, дальнейшей утраты жизненным миром своей автономии от манипулятивного воздействия Системы.

Книга содержит весьма любопытные философские кейсы, касающиеся обоснования возможности долговременного мира в Восточной Европе на основании актуализации наследия Иммануила Канта и прикладного просвещения, а также обращения к феноменологической герменевтике в целях обоснования оснований взаимопонимания в глобальном мире. Интерес представляет авторская интерпретация особенностей развития философии в Советском Союзе, которые привели к тому, что в постсоветской модерности позиция философов не была выражена достаточно явно, а оказалась вытеснена идеологами и политехнологами. Специального внимания требует обоснование Михаилом Минаковым политической онтологии восточноевропейской «системной коррупции» и анализ феномена дара и взятки в условиях восточноевропейской модерности. Здесь, кстати, в новом контексте разворачивается авторский тезис об «обратной колонизации» Системы жизненным миром: «Удары по нашим жизненным мирам в XX веке привели к тому, что они научились отвечать ударом на удар, научились подрывать Систему. Ответный удар жизненного мира по Системе проявляется в практиках “системной коррупции” наших обществ» (128).

Каждый из этих и других, содержащихся в книге кейсов, требует отдельной дискуссии. Иногда возникает чувство некоторой эклектичности, вызванной тем, что в книгу включены тексты, написанные в разное время и по разным поводам. Однако общее предметное поле и авторская теоретическая рамка создают целостное восприятие представленной в книге проблематики восточноевропейской модерности.

«Несмотря на универсальность своих идеалов, принципов и норм, модерность почти так же многообразна, как и архаика», — пишет Михаил Минаков (11). Авторский анализ позволяет высветить в этом многообразии специфику разнонаправленных трансформаций, постсоветских и восточноевропейских обществ, вызванных как внутренними факторами их развития, так и современными этапами глобальной модернизации, связанной с переходом к состоянию «текучести производства модерности» и далее — к «сверхтекучести поздней модерности потребителей» (если использовать терминологию Зигмунда Баумана).

Bibliography:

Minakov, M. (2020). *Dialektika sovremennosti v Vostochnoi Evrope. Opyt sotsialno-filosofskogo osmysleniia* [from Rus.: Dialectics of the Eastern European modernity. A social-philosophical reflection]. Kiev: Laurus.